

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

УМНЫЙ
ВЫСТРЕЛ

Спецназ ГРУ

Михаил Нестеров

Умный выстрел

«ЭКСМО»

2014

Нестеров М. П.

Умный выстрел / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2014 — (Спецназ ГРУ)

Бывший военный разведчик из ГРУ, а ныне частный детектив Павел Баженов узнает о смерти своего сослуживца и друга Виталия Аннинского. Он обращается за информацией в полицию, где ему сообщают, что преступление раскрыто: в убийстве призналась жена Аннинского Анна. Эта новость шокирует Баженова. Детектив общался с семьей Аннинских на протяжении многих лет и уверен, что Анна ни при каких обстоятельствах не смогла бы выстрелить в любимого мужа. Но если она не виновата, то почему подписала чистосердечное признание? И кто в действительности убил Виталия? Ответы на эти вопросы Баженов собирается получить во что бы то ни стало...

© Нестеров М. П., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Нестеров

Умный выстрел

Не бывает более заметной лжи, чем лживая улыбка.

Мэтт Деймон

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Глава 1

На пути к первому перекрестку

...Южнорусская овчарка грызла у моих ног мясную кость, а хозяйка этой лохматой псины стонала, опершись руками о подоконник. Ее голова была ближе к окну, чем голова ее партнера, и я в деталях рассмотрел красивое лицо женщины с прической а-ля Мэрилин Монро и маленькой грудью, как у Натали Портман. Скорее всего, она видела свое отражение в оконном стекле и чаще всего смотрела на свой рот, из которого нашел выход стон и ее разгоряченное дыхание. Казалось, она смотрит внутрь себя, чтобы избежать контакта с внешним миром. И своего партнера она воспринимала только той его частью, которая находилась в ее теле. Сейчас она жила только этим образом, и любой другой изменил бы ее облик. Жизнь оборвется для нее, когда своей соблазнительной грудью она коснется финишной ленты, порвет ее, запутается в ней, а потом она родится заново. Может, к этой ситуации подходило мнение, что человек живет вечно, только не знает этого.

Лишь немного приглушенный розовый свет, отразившийся от стекла, маскировал меня, создавая на своей поверхности зеркальный эффект. Эта потрясающая в своем неповторимом экстазе женщина смотрела на отражение своего лица, но не видела моего. Два лица наложились друг на друга, но об этом знал только один человек – я. Мужчина, стоявший позади нее, не владел даже собой, не говоря уже о теле своей любовницы (ничего особенного: молодой, крепкий, похожий на заводной манекен). Это она имела его, а не наоборот. И она не скажет ему: «Ты был великолепен!» Нет, такие приподнято взволнованные фразы не для нее. Она не умела врать. По этой причине муж заподозрил ее в измене, а мне он это объяснил так: «Понимаете, она перестала смотреть мне в глаза. Мне приходится дважды повторить вопрос, чтобы до нее дошел не смысл вопроса, а то, что он прозвучал *вообще*, и только тогда она будто просыпается: «Что, дорогой?» И мне приходится спрашивать в третий раз». – «Она называет вас «дорогой»?» – «Вообще-то... не всегда, не каждый раз, понимаете? Это звучит как бы за кадром, но я чувствую эту недосказанность»... Мой клиент был обыкновенным занудой, а такие типы зачастую умничают даже в постели и пытаются показать себя единственными и неповторимыми. Я мог бы дать ему совет: «Будь проще, и она к тебе потянется». Не дал, потому что, собственно, еще не установил факт измены, а только учуял ее – за версту. Отказался от совета и потому, что его жене, однажды свернувшей на сторону, этот поворот понравился и она в конце концов расширит его до нерегулируемого перекрестка. Я судил об этом по статистике, накоп-

ленной мною за несколько лет работы частным детективом. Дело не в женщине как таковой. Нельзя одну женщину ставить в пример другой – они этого не выносят. Просто есть диагноз, с которым не поспоришь.

– Ты была великолепна! – Я не сдержался от похвалы в адрес этой задрожавшей в оргазме женщине.

И – натурально обломал кайф ее мужу, остановив запись на своей компактной и матовой (даже линзы не бликовали) видеокамере. Тысячи кристалликов на экране-видеоискателе замерли подобно мазкам художника, образуя картину, над названием которой мне еще предстояло поломать голову. А пока что в нее ничего не лезло. Я находился под глубоким впечатлением от спектакля, в котором не нужны были костюмы...

Я отошел в тень кирпичного дома, забыв про собаку-блондинку. Она зарычала на меня и только чудом не вцепилась мне в ногу.

– Нет-нет, – я шепотом успокоил ее, – мне не нужен твой мосол.

Пару дней на работе я тянул резину, чтобы прибавить работе настоящий объем, а затем созвонился с клиентом и назначил место встречи: мой офис, соседствующий с букмекерской конторой. Такое соседство меня устраивало: если позвать на помощь, тотчас прибежит целая толпа, в любое время суток готовая отыграть. Мой клиент – участковый маркшейдер ОАО «Московский метрострой». Одно это заставило меня отказаться копнуть под него поглубже и найти то, что могло меня заинтересовать в дальнейшем: связи, источники информации, все то, на чем строилась моя работа.

Мой кабинет не претерпел изменений с тех пор, как я арендовал его. Точнее, это называлось субарендой, арендатором же был букмекер, он и сдавал мне эти жалкие метры, громко называя их квадратными, за смешные деньги. Чего не скажешь обо мне – в начале каждого месяца, когда приходила пора оплачивать занимаемую площадь, я старался выглядеть серьезным и немного опечаленным. И арендодатель задавал всегда один и тот же вопрос: «Не собираешься уезжать?» В последний раз я ответил вопросом на вопрос: «На лифте, который ты мне сдаешь?»

Василий Вячеславович Чирков явился в срок. Лет сорока, бледный, полный метростроевец мне напомнил чем-то улитку. Пока специалист в горной технике устраивался на стуле, я представил его в защитной каске и набросал на листе бумаги шарж (я хорошо рисовал, мой отец преподавал в художественной школе): улитка в каске, через которую пробиваются рожки-антенны, с пуговицами, пришитыми прямо к телу. Скомкав бумагу, я отправил ее в урну и мысленно наградил себя аплодисментами за этот трехочковый бросок.

В такие вот финальные, как этот, дни я никогда не начинал разговор первым, я давал это право клиенту. И, как правило, слышал одно и то же: «Мои опасения подтвердились?» Еще не было случая в моей практике, чтобы я не сумел отыскать «опасения» клиентов. Этот медлил с вопросом. Я не собирался отказываться от традиций и смотрел на него в упор, потягивая свой любимый апельсиновый сок.

– Она мне изменяет, – в утвердительной форме сказал маркшейдер.

– Да, – ответил я.

И не прибавил «к сожалению» или еще что-нибудь в этом роде. Это не мое дело – выражать сочувствие и выставлять эмоции напоказ. Хотя этому типу мог ответить по-другому: «Вы знаете, да, она вам изменяет». Но я уважал его прежде всего как своего клиента; сегодня он, расплатившись по счетам, сделает меня немножечко богаче. Так что я, как всегда, воздержался от комментариев.

Я выдвинул ящик стола и вынул папку, раскрыл ее перед клиентом. В ней хранился отчет о проделанной работе, а к внутренней стороне обложки скотчем была приклеена карта памяти с видеофайлом «откровенного содержания»; чек на приобретение карты и гарантию я также приобщил к делу.

– Как она мне... изменяла?

Я поборол желание выпучить глаза.

– Как и все, – ответил я. – Подробности найдете на этой карте памяти.

– Такая маленькая, – он потрогал «эсдишку» пальцем и отчего-то облизнул губы. – И сколько же она вместила в себя?

– Вы говорите о карте?

– Да.

– Двадцать минут качественного видео. Формат Эйч-Ди, – добавил я.

– Вы не ответили на мой вопрос: как, в какое время она наставляла мне рога?

– А, вы об этом... Во время прогулки с собакой.

– Ее любовник – он что, тоже любитель собак?

– В некотором роде, – уклонился я от прямого ответа.

– Как его имя?

– Давайте назовем его... Антонио Лунатик. Днем он спит, ночью – работает. Не знаю, кто из них придумал схему, но она оказалась таковой: ваша жена выводит перед сном на прогулку пса. До частного дома, в котором она хотя бы однажды встречалась с любовником, пять минут быстрым шагом. Она оставляет собаку во дворе, и та несет службу, пока ваша жена находится внутри дома.

– Вот оно что... Пять минут туда, пять обратно, двадцать минут там, – посчитал клиент. – Да, она никогда не выгуливала собаку больше получаса. Я и заподозрить ее не мог. Однажды только удивился: почему она принимает душ перед прогулкой.

– И что она ответила?

– Она сказала: «Зачем вообще принимают душ?»

– И вы отстали с расспросами.

– И я отстал... Так, – он задумался, – сколько же раз она принимала душ...

А я подумал о том, что в общем и целом она получала все, к чему стремилась: большую и чистую любовь.

Его я забуду. Но вот ее забыть трудно. В какой-то миг мне показалось, будто она видит меня через стекло, смотрит прямо в глаза, даже чуть больше придвигается к стеклу, приоткрывает рот, как для поцелуя, и видит во мне второго партнера. Мне бы не хотелось, чтобы все так и было на самом деле. К тому же она могла подумать: кто это был – бомж, псих, который любит подсматривать, а может, это приятель любовника?..

– Вы можете просмотреть ролик здесь, на моем компьютере, – пошел я навстречу Чиркову, угадав его желание. – Карту я потом уничтожу в вашем присутствии. Копии я не делаю – это дело принципа.

– Спасибо. – Его глаза выражали большую благодарность.

Поменял ли я отношение к его жене? Это вряд ли. Я испытал сильное влечение к ней еще там, под окном этого любовного гнездышка, когда нас разделяло только стекло, а легкий розовый свет из комнаты едва касался моего лица. Не скажу, что я охладел к ней потом. Вспомнил как красивый эпизод из эротического фильма.

Я вставил в картридер цифровую карту и, прежде чем выйти из помещения, сказал:

– Воспроизведение начнется автоматически. Садитесь на мое место или поверните монитор к себе. Я вернусь через двадцать минут.

И вышел в узкий коридор, подняв голову, поглядел на низкий потолок. Впервые подумал о том, что если на потолке нарисовать вид машины снизу, то коридор будет походить на смотровую яму: узкий, двоим не разойтись. В конце коридора – то есть в шаге от меня – стоял человек лет пятидесяти, походивший на отставного военного (у меня наметанный взгляд на такие вещи). Я поздоровался с ним кивком головы и спросил:

– Вы с ним?

Мужчина приподнял бровь:

– С кем?

Я кивнул на дверь кабинета, за которой раздавались женские и мужские стоны. Незнакомец не стал интересоваться, что творится в моем кабинете, и ответил на вопрос:

– Нет, я один. Ваша фамилия Баженов? Павел Ильич Баженов?

– Да. Выйдем на улицу, здесь что-то шумновато.

– Вы заняты? Если да, я приду попозже. Завтра вы будете свободны?

Мысли мужчины витали где-то далеко от этого места, хоть он и пытался не выдать этот факт.

– Боюсь, сегодня я не смогу вас принять. Сдаю работу.

– Поздновато, – заметил незнакомец.

Я согласился с ним. Но мой клиент в этот день (сегодня был понедельник) не мог отпроситься с работы. С другой стороны, мне было по барабану, в котором часу сдавать работу – в восемь вечера, как сейчас, или в восемь утра.

– Эта встреча мне напоминает визит к стоматологу, – вновь заговорил незнакомец. – Не знаю почему. Трудно объяснить. У меня болит зуб, мне страшно его удалять, меня страшат хирургические инструменты в застекленном шкафчике, шприцы, урна, в которую полетит вырванный зуб. А вы спокойны и расслаблены. Вам все равно, какой зуб у меня болит и насколько мне больно.

– Вы правы. Вырвать зуб для меня – все равно что талон прокомпостировать.

– Да, вы тот человек, который мне нужен. В котором часу мне к вам прийти? Давайте встретимся утром...

У меня вошло в привычку выпивкой отмечать окончание дела, и работоспособным я становился только на вторые сутки. И на этот раз я решил придерживаться традиции. Это несмотря на то, что столкнулся с первым случаем, когда, закрывая одно дело вечером, я собрался открыть другое утром следующего дня. И в голове у меня крутилось это сладкое слово «очередь». Обычно перерыв составлял несколько дней. «Что ж, – подумал я, – неплохо быть нарасхват или, как говорят, на пике популярности».

На всякий случай я вручил новому клиенту свою визитку, и мы попрощались до завтра.

Двадцать минут вышли. Я не думал, что маркшейдер досмотрит ролик до конца. В качестве учебного пособия он для него не годился, все-таки в главной роли выступала его жена, на шведа он тоже не смахивал. Но я ошибся – инженер вытерпел эту пытку, и сейчас на экране монитора, который он развернул к себе, застыло выражение женского лица в момент наивысшего наслаждения. Я мог бы сделать скриншот с этого кадра, распечатать его и отправить ей открытку: «Ты самая сексуальная!»

Из меня получился бы отличный инкассатор – это на примере того, что я легко погасил искры этого сильного чувственного влечения. Иначе еще вчера я остановил бы «даму с собачкой» и сделал бы ей комплимент в виде все той же поздравительной открытки... Лишь однажды я признался во всем женщине, на которую собирал компромат. Но это был отдельный случай, и воспоминания о нем я хранил в самом теплом уголке моего сердца.

– Что мне делать? – Клиент поднял на меня влажные глаза, увеличенные линзами очков.

Я привык и к таким обращениям и отвечал всегда одинаково:

– Я не даю рекомендаций, только сделал свою работу.

Помню, один клиент бросился на меня с кулаками, как будто это я соблазнил его благоверную. Инженер, похоже, был не способен замахнуться даже на муху. Но это только с первого взгляда. За время работы частным сыщиком я приобрел привычку – составлять психологический портрет своих клиентов. Плюс я собирал кое-какую дополнительную информацию, чтобы, во-первых, не подставиться. Так я узнал, что Чиркову в молодости не хватило одного шага до заветного звания «Мастер спорта», он так и остался в кандидатах по вольной борьбе.

Я предложил ему ознакомиться с бумагами, прежде чем он подпишет договор.

– Что это? – спросил он, постучав пальцем по приколотому к делу чеку из мясного магазина.

– Чек на покупку мясной кости для вашей псины. Нужно же было ее чем-то отвлечь.

– Даже так...

Он подписал договор и рассчитался наличными. Я снова прикрепил микрокарту скотчем к обложке и вручил папку Чиркову со словами:

– Василий Вячеславович, до свидания!

Думаю, Чиркову было стыдно передо мной, ведь я стал свидетелем измены его жены. Но я, прежде чем мы ударили по рукам, предупредил, что, вероятнее всего, стану свидетелем откровенных сцен, и тут же вставил сноску: на работе я – бесполое существо.

Толстяк пожал мне руку и выскользнул из кабинета. А я тотчас, как будто сгорал от нетерпения, набрал рабочий номер Виталия Аннинского. И пока шли гудки, набросал на листке бумаги стол со сломанной ножкой; в процессе короткого разговора я надеялся закончить рисунок: «подложить» под ножку кипу папок с уголовными делами, но главное – изобразить в сатирическом виде своего друга, дожидавшегося моего звонка в своем кабинете ОВД Пресненского района.

– Да? – ответил он, ожидая моего звонка.

– Привет! – поздоровался я.

– Наконец-то! Я уже собрался было домой.

– Ты на машине?

– С утра был на машине. Приехал из Твери, поставил в гараж.

– Устал за рулем?

– Вроде того.

– Тогда заходи за мной.

– Как школьник, – усмехнулся Аннинский и повесил трубку.

Он явился ко мне в контору через пятнадцать минут после беседы, и мы направились в бар-ресторан «Три горы», где частенько отмечаем какие-то события. Помню, в прошлом году отмечали там день рождения сына Аннинского. Мы – это бывшие оперуполномоченные Следственного комитета военной разведки. Бар нашел себе место неподалеку от Пресненской обсерватории, открытой еще в 1831 году на одном из холмов на Трех Горах на Пресненской возвышенности – отсюда и название питейного заведения.

– Выглядишь усталым, – заметил я Аннинскому и предложил занять крайние места за стойкой.

– Напомни об этом после третьей рюмки.

Но уже после второй настроение моего друга повысилось на все сорок градусов.

– На выходные снова ездил в Тверь? – спросил я.

– Да, – подтвердил Аннинский. – Волга – это тебе не Яуза.

– Точно...

Реки грязнее Яузы я не видел. Среди москвичей появился термин «яузский запах». Русло забито мусором, особенно в районе Электрозаводского моста. Неподалеку, на Ленинской слободе, и жил Аннинский. Отсюда, наверное, и его сравнение с Яузой, а не Истрой, долина которой считается одной из самых красивых в Подмосковье.

Виталий не раз рассказывал о «личной каюте» на дебаркадере лодочной станции в Твери, шкипера он называл на американский лад: хорошим парнем. Я был не без мозгов и смекнул, что подобная дружба зачастую строится на корысти. Даже между нами порой черной кошкой пробегало стремление получить собственную выгоду. Аннинский давал мне крышу в своем районе, я же по мере необходимости снабжал его информацией от своих «свистков».

В голове отчетливо представился маршрут: 75-й километр МКАД, Химки, Солнечногорск, Клин, Тверь, раскинувшаяся на обоих берегах Волги. Порядка 170 километров. На машине добраться можно за два с половиной часа. Это закаленные в пробках и бросках на дальние расстояния дачники, рыболовы, охотники и прочие любители природы не заметят, как пролетит в дороге время, я же, к примеру, сойду с ума уже в Клину.

Я решил затронуть тему, которая беспокоила меня с профессиональной стороны. Аннинский не мог проводить каждый уик-энд на Волге, а вот его жена регулярно ездила в Тверь. Последний раз я видел ее две недели назад, поздним вечером, забежав к ним на минутку, буквально разлучил супружескую пару на целый час. Тогда я заметил – с последней нашей встречи (а это было три месяца назад) жена Виталия Аннинского изменилась. Во-первых, она постриглась. Как говорится, новая стрижка – новый человек. Ей были к лицу короткие волосы, закрученные на бигуди. Она как будто скопировала с Одри Хепберн в «Римских каникулах». Вечно тонкие, выщипанные брови стали такими, какими их создала для нее природа; широкие и густые, что, безусловно, шло ей. Она чуть похудела, точнее, построилась. Видимо, последнее время посещала фитнес-клуб.

Просто так, без веской причины, люди не меняются – это я говорю как профессионал, работа которого, как однажды пошутил сам Аннинский, – «сыск интимного направления». В жизни человека должно произойти какое-то значимое событие, натуральный переворот, тогда-то и происходит метаморфоза. Собственно, я, отметив перемену в облике Анны Аннинской, подумал о романе Анны на стороне. Она была молода, но бог или случай даровал ей еще одну молодость, и они шли параллельными курсами. Она была счастлива, переживала влюбленность. Но кто я такой, чтобы вмешиваться в личную жизнь Аннинских? А вдруг я не прав? А что, если они оба подняли брошенный сверху подарок или милость, не знаю? Я не мог, не хотел стать разрушителем их счастья. И лишь коротко заметил Аннинскому:

– В вашем шалаше с новой силой забил источник молодости?

– Ты о чем, Паша?

– Ее кожу «поцеловало солнце». Такого изумительно легкого, но бросающегося в глаза загара я давно не видел. Она стала мягче, естественнее, стала больше любить себя.

Мы были навеселе, и Виталий, как всегда, прижался лбом к моему лбу и улыбнулся:

– Завидуешь, сволочь? Или ревнуешь?

Да, я был сволочью. Но в этот момент я был обеспокоенной сволочью. И я нашел утешение в том, что Аннинского так просто не переделаешь, он останется самим собой, каким я его привык видеть. Наверное, их преследовала новая жизнь, о которой я не имел представления. Эта пара была единственной, об интимной жизни которой я знать ничего не хотел. Может быть, даже стеснялся.

Я ушел от ответа на прямой вопрос, отшутившись:

– Ты линияешь?

– В каком смысле?

Я демонстративно стряхнул с воротника его пиджака короткие волоски.

– Наводил красоту, – отозвался мой друг. – Днем забежал в парикмахерскую...

Или я выпил на рюмку больше, или Аннинский в этот раз оказался крепче меня. Как бы то ни было, но адрес таксисту назвал он. Я махнул ему рукой, опустив стекло со стороны пассажира, и задержал на нем взгляд, как будто сфотографировал: одетый в деловой костюм, в джемпере-поддевке, он стоит у своего такси...

Глава 2

Перекресток Михайлова

Меня можно было назвать человеком, трепетно относящимся к технике: мои телефоны, мобильный и домашний, никогда не разрывались от звонков. Засыпая, я переставал быть человеком и будто превращался в Центральный отдел нервной системы или Орган высшей нервной деятельности. Так что первый гудок телефона поступал куда надо, и я реагировал на него моментально, в каком бы состоянии ни находился. Сейчас мое состояние оставляло желать лучшего: черепная коробка гудела, в глотке пересохло, глаза я открыл ровно настолько, чтобы разглядеть подсвеченные кнопки мобильного. Днем я бы отметил номер абонента, сейчас мне было все равно, кто звонит. Когда я нажал на клавишу ответа и сделал попытку привстать на диване, уяснил одно: я еще не проспался. И ответил согласно своему хмельному состоянию, в стиле переводчика Алексея Михалева:

– Это сами знаете кто. Я сейчас сами знаете какой. Оставьте сообщение после сами знаете чего.

– Бросай валять дурака, Баженов!

– Кто это?

– Валентин Белоногов.

Я не сразу сообразил, кто такой Белоногов... Я встречался с ним дважды, и оба раза – в отделе внутренних дел по Пресненскому району, что на улице Литвина-Седого, это центр Москвы. В тот день убили моего информатора, а я стал участником перестрелки в Столярном переулке. Тогда этот толковый опер допрашивал меня, а Виталий Аннинский с безучастным, казалось бы, видом стоял в сторонке.

– Помню такого, – прохрипел я словно простуженным горлом. – Что случилось?

– С тобой хочет поговорить один человек.

– Только один? И ради этого... – Это был просто треп, за которым я спрятал напряжение: кто бы это мог быть? Я мог представить любого человека, тянущегося к трубке, чтобы поговорить со мной. Но вот голос Анны Аннинской отрезвил меня:

– Привет, Паша. Приезжай. Я убила мужа.

И все – в трубке послышались гудки.

Я уснул в одежде, поэтому не пришлось тратить время на сборы. Лишь проверил, на месте ли документы. В киоске «1440» (количество минут в сутках) за углом я купил жевательную резинку и распаковал ее, называя таксисту адрес: Ленинская слобода, 4. Ночные дороги были пусты, и уже через четверть часа я оказался на месте. Во дворе дома было оживленно, как днем. Четыре или пять полицейских машин, две из них с включенными световыми сигналами. Столько же машин без спецсигналов, но с включенными габаритами. Вокруг шестиэтажного дома (включая полуподвальный этаж) бордюры были выкрашены в желтый и зеленый цвета и здорово походило на поребрики гоночной трассы. Дорогу к подъезду мне преградил полицейский из патрульно-постовой службы, стоящий в оцеплении, однако полный человек в роговых очках и кожаной куртке нараспашку окликнул его и попросил пропустить меня. Это был Белоногов, я поздоровался с ним. Он тут же отгородился от меня свободной рукой:

– От тебя несет, как от бабьи с брагой. – И пресек мою попытку задать ему вопрос. – Ни о чем меня не спрашивай, я сам пока ничего не знаю. Знаю только, что сотрудника моего отдела нашли с огнестрельной раной в голове и что его жена уже дала признательные показания. Слушай, ну и видок у тебя! – вернулся он к моему похмельному состоянию.

Я соответствовал виду человека, который полчаса назад узнал о смерти лучшего друга. Нет, лучше сказать – единственного.

- Ты последний, с кем общался перед смертью Аннинский.
- Не дави на меня, – огрызнулся я и стукнул себя в грудь: – Один из последних – это точно.
- Когда ты последний раз видел Аннинского?
- Сегодня. То есть вчера. Мы посидели в «Трех горах» до половины одиннадцатого. Там и распрощались. Я поехал к себе домой. Он... наверное, к себе.
- Отмечали какую-то дату?
- Я должен отвечать на твои вопросы?
- Обязан.
- Не ты ведешь это дело. Ты работаешь в ОВД по Пресненскому району, а преступление совершено в Даниловском, а это даже другой административный округ.
- У тебя пробки в ушах?! Убит мой сотрудник, и мне плевать, кто ведет это дело! Пока что я пошел навстречу и тебе, и человеку, который, как я уже сказал, признался в убийстве! Я вам дал возможность поговорить, – сбавил он в конце обороты.
- Эта возможность называется правом на один телефонный звонок.
- Было бы лучше, если бы Аннинская звякнула тебе из Даниловского ОВД?
- Нет, – я покачал головой и машинально глянул в сторону отдела, он находился недалеко.
- Я спросил, и тебе лучше ответить сначала мне, а уж потом хотя бы вон тому Даниле-мастеру, – Белоногов кивком указал на громадного, как Шварценеггер, опера.
- Спрашивай.
- Я повторю: вы в «Трех горах» отмечали какую-то дату?
- Можно и так сказать.
- Дальше.
- Мы обмывали дело, над которым я корпел неделю.
- Что за дело?
- «Дело одной вертихвостки», больше я тебе ничего не скажу.
- Ты прямо как Перри Мейсон, – хмыкнул Белоногов. – В этом деле Аннинский тебе помогал?
- Ни словом, ни делом.
- Как часто вы обмывали дела твоих вертихвосток?
- Часто. Если не считать вчерашней встречи, то виделись мы с ним последний раз две недели назад.
- Место встречи...
- У него дома! – перебил я Белоногова. И уже сам был вынужден сбавить обороты. – Созванивались вчера. Днем и вечером.
- Кто кому звонил?
- Я – ему.
- Оба раза?
- Да.
- Тема дневного разговора.
- Блин, ты меня достал!
- Отвечай!
- Днем позвонил, чтобы условиться о встрече. Вечером – чтобы напомнить ему об этом. Он пришел через пятнадцать минут. Без четверти девять, если быть точным. Ровно в девять вечера мы сели за стойку. – Я горько усмехнулся. – Виталик выглядел усталым, но довольным.
- Неужели так обрадовался встрече с тобой?
- Ты бросай насмехаться, или я навалю тебе прямо здесь.
- Ладно, не кипятись. Ответь на такой вопрос: как часто ты встречался с женой Аннинского?

– Не в ту сторону копаешь!

– Часто или нет?

– Реже, чем с Виталиком, – был вынужден ответить я. – Она недолюбливала меня...

Мне казалось, Анна стояла между мной и мужем этакой противопожарной стеной, чтобы ни одна пагубная искра не переметнулась на него. У него была семья, у меня – нет. Больше того – я пока не собирался разжигать семейный очаг и, на взгляд Аннинской, являлся заразительным ходячим примером. Она опекала мужа, как ребенка. Я много раз видел ее ревнивый взгляд, но ни разу она не проявила открытой неприязни. Но была готова объявить вражду и словно ждала, когда я уведу Виталика на сторону. В этом я видел столкновение двух несовершенных форм мышления – ее и моей. Плюс ко всему мы с Аннинским были партнерами: я предоставлял ему информацию из своих источников, он мне давал крышу в своем районе и в свою очередь делился со мной своей информацией. Иногда я давал ему кое-какие деньги, но это так, мелочь.

Вот об этом я и рассказал Белоногову.

– Не хочешь подняться в квартиру? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Знаешь, – сказал я Белоногову, – я пообтерся о проблемы своих клиентов и стал черствым по отношению к чужим семейным драмам.

– Ну если так, то ты идеальный вариант преданного друга.

В этом качестве я и предстал перед Аннинской спустя час после ее телефонного звонка.

Оперативник провел меня в кухню, но сначала предоставил возможность заглянуть в спальню, где лежало тело Аннинского. Я невольно закрыл глаза. Я очень часто слышал определение «обезображенный труп», пару раз видел разрушительные результаты от выстрела крупной дробью... Сейчас же я наблюдал перед собой картину необычной смерти: кто-то самым жестоким образом поквитался с Виталием Аннинским, превратив его лицо в кровавое месиво. Он вернулся домой, успел снять пиджак и джемпер (они были перекинуты через спинку стула), собрался было скинуть рубашку (три верхние пуговицы были расстегнуты), даже закатал рукава (дурацкая привычка), и в этот миг раздался выстрел из дробовика. Рубашка, грудь, все было залито кровью, незапятнанной, в прямом и переносном смысле этого слова, осталась татуировка на груди: эмблема Главного разведывательного управления. Эту стилизованную под гвоздику пятиконечную звезду Виталик сделал в одной из наших совместных командировок на Северный Кавказ, в расположении воинской части, в которой нашелся «мастер тату». В геральдике гвоздика – страсть, порыв, решимость добиться цели.

Я припомнил эпизод из нашего военного прошлого. Моя командировка на Северном Кавказе подошла к концу, Аннинский остался еще на две недели. Сразу же после моего отъезда у него произошла стычка с двумя ингушами из комроты. Поединок был неравным, и ингуши Аннинского натурально отметелили. Командир полка распорядился снять побои в местном морге и доложил о происшествии в военную прокуратуру. Ингуши, что называется, покаялись, и дело замяли. Но те снимки из морга остались у Аннинского на руках. Когда мы снова встретились в отделе (прошло двадцать дней), он показал мне фото. Труп, определил я, глядя на человека с синюшным лицом: закрытые и заплывшие глаза, гематома на скуле, распухшие черные губы. Виталик рассмеялся: «Это же я!»... Даже побои изменили облик человека до неузнаваемости, чего уж говорить о разрушительном действии выстрела крупной дробью...

Мне и без того было мутно, и долго я в спальне не задержался. Оперативник провел меня на кухню, превратившуюся в отстойник для Ани Аннинской, и остался с нами, прикрыв дверь. Кухня была просторной. Светлая мебель не бросалась в глаза и не загромождала помещение. Широкая, во всю стену, длинная штора подразумевала такое же громадное окно, но такие размеры существовали только в воображении, как будто штору эту повесил иллюзионист, рассчитывая на обман зрения. Что ж, он не ошибся, рассеяно подумал я.

– Только вчера я разбирала его вещи, – неожиданно сказала Анна.

И я подумал о том, что она предложит мне что-нибудь из вещей Виталия. Мило, конечно, с ее стороны. Я бы не отказался от мобильника или фотоаппарата, в общем, вещицы на память. Еще я заметил, что она не назвала мужа по имени. Это был знак, но с каким качеством?..

– У тебя найдется выпить? – спросил я.

– Здесь тебе не бар, – встрял оперативник.

– Я же не тебе предлагаю и не ей, – я кивнул на Аннинскую. – Пить в одиночестве – последнее дело, которому я посвятил последние два или три года своей жизни, – объяснил я оперативнику.

Тот был непреклонен и не баловал нас словарным разнообразием:

– Здесь тебе не бар.

– Я тебе вот что скажу: от тебя недавно ушла жена или по крайней мере она виляет от тебя на сторону в поисках нового содержания, форм и ощущений.

– Чего?!

Его глаза забегали по моему лицу. Как говорил прокурор в одном советском фильме, лицо многое может рассказать о человеке. Мое лицо, например, через пару минут могло сказать, что от меня только что отвалил двухметровый оперативник с кухонным ножом и скалкой.

Я пропустил начальные слова Аннинской, но не стал перебивать ее.

– ...выходные провели на Волге, прихватив вечер пятницы и утро понедельника. Прогуливались по мокрой палубе, скрывались в каюте от дождя. Все было так романтично... И я пожалела: почему каждый день не может быть таким? Я не знаю, что со мной приключилось, Паша. Вернулась я совсем другим человеком.

Слова Аннинской послужили мне вокабулярием – кратким словарем к книге. Она называла слово, а я открывал нужную страницу. Я изучил четные страницы – это мои взаимоотношения с Аннинским, нечетные принадлежали только ей и ему. У меня никогда не возникало желания влезать в их личную жизнь. Что ж, видимо, мне придется перекинуться на эти нечетные страницы...

Я спросил ее прямо:

– Это ты убила Виталия?

Анна посмотрела на меня в упор:

– Кроме тебя мне никого не хотелось убить.

Я принял этот туманный ответ, и мне он был дороже кристального воздуха.

Совершенно четко я представил картину с одним или двумя неизвестными. Кто-то стреляет в Аннинского, и, возможно, это происходит на глазах у его жены. Дальше ей в руки суют дробовик. Все – на этом грозном оружии остаются ее отпечатки пальцев. Есть много способов запугать человека, тем более что человек этот – женщина. Убийцы ни перед чем не остановятся, рано или поздно убьют ее, если она не возьмет убийство мужа на себя. Часто бывает так, что угрозы звучат более убедительно от знакомого человека. Почему преступник не убил и Аннинскую тоже? Ответ очень прост: чтобы исключить другие версии и чтобы его не искали. Это известный и зачастую действенный прием.

Анна дала мне подсказку, и мне нужно было отработать ее доверие. Невозможно забыть ее взгляд. Во мне она видела последнюю надежду. Ее крепко подставили и запугали. Кто? Поиски нужно было начинать на берегу Волги. В противном случае она дала бы мне другую подсказку. Она была женой опера. Почему в таком случае не открылась сослуживцам Виталия? Не замешан ли кто-нибудь из них в преступлении?

Я перебрал в голове и другие причины, по которым Аннинская сделала ставку на меня. Я был одиночкой по сути и не связан ни служебными, ни какими-либо другими отношениями с сослуживцами Аннинского. Второе – у меня за плечами была школа под названием Следственный комитет военной разведки.

На улице я отыскал Белоногова в компании человека лет тридцати: с массивной челюстью и глазами чуть навывкате, которые могли сказать о напористости его характера, с легкомысленной эспаньолкой, одетого в кожанку и джинсы. Я поблагодарил Белоногова – все-таки он много сделал для меня, для Аннинской, дав ей возможность позвонить мне. Белоногов улыбнулся своими тонкими губами, которые буквально шли вразрез с его полным лицом.

– Не за что. Сочтемся.

Он отошел в сторону. Я остался один на один с оперативником Даниловского ОВД. По горячим следам расследовать было нечего, и тот, вручив мне свою визитку, попросил прийти в отдел в половине второго.

– Время неудобное, – поморщился я, прочитав на его карточке имя: Игорь Васильевич Михайлов. – Ни утро, ни вечер. Обычно я с часу до двух клюю носом.

– Вот вместе мы и поклеем, – остался непреклонным Михайлов и направился к машине – 200-сильному «Чероки», открыл дверцу и взял с сиденья планшет. Я подошел ближе и похлопал рукой по крыше джипа:

– АБС, электрзеркала, кондиционер, бортовой компьютер, парктроник...

– Ага, – подтвердил Михайлов, глянув в мои завистливые глаза. – Вижу, разбираешься в машинах.

– Так, статейки почитываю да картинки скачиваю. Кстати, ты первым приехал на вызов?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Твой джип зажат спереди и сзади. Так плотно воткнуться между двух машин – не поможет никакой парктроник. Если только сверху опуститься.

Михайлов посмотрел мне под ноги и сморщился, как будто мои ботинки были куплены в секунд-хенде и на них еще остался копеечный ценник.

– Ты ведь частный детектив, да? Да еще друг убитого. Везет же мне.

– Да, ты выглядишь счастливым.

Майор продолжил, как будто не расслышал моей реплики:

– Сделай так, чтобы наши интересы не пересекались. Знаешь, чем больше перекрестков, тем больше шансов не доехать.

Я не привык бросаться обещаниями, но и расстраивать этого толкового, судя по всему, опера с моей стороны было неразумно. Наши интересы непременно пересекутся, если я окажусь чуть расторопнее всех этих людей в штатском и форме. Работать наравне с ними, подстраиваясь под их ритм и логику, – это не по мне, и что толку в такой работе? Я был военным разведчиком по сути, а сейчас еще и одиночкой, такой мобильной единицей, и мне не у кого было спрашивать разрешения – вызвать огонь на себя или там взять «языка».

«Чем больше перекрестков, тем больше шансов не доехать», – сказал Михайлов. Чем напомнил мне «одноименный» фильм «Перекресток Миллера». Америка 30-х годов. Суровое время сухого закона. Передел сфер влияния за контроль над поставками нелегального алкоголя. Роковая женщина. Главный герой фильма – исключительный эгоист и подлец, но умница и авторитет среди гангстеров. Зовут его Томми Рейган. У него дар ввязываться в крутые разборки и выходить сухим из воды, одно это вызывает неподдельные симпатии к этому «абсолютно аморальному типу». Если говорить о его миссии или предназначении, то она не проста: банды на пороге войны, и ему нужно удержать их от кровопролития. Разумеется, мэр города и шеф местной полиции крайне недовольны началом этого противостояния. Среди недовольных и босс ирландской мафии, фактический хозяин города, подругу которого трахнул Томми Рейган. И у него возникает, казалось бы, неразрешимая проблема... В фильме много угроз, смертей, обезображенных трупов, таинственных исчезновений, тонны пуль калибра пять и шесть миллиметра.

«Перекресток Миллера», в моем случае – «Перекресток Михайлова». Нетрудно запомнить это предостережение.

– До завтра, – попрощался я с майором. И пошел прочь, чувствуя на спине по крайней мере два взгляда: Белоногова и этого Михайлова.

И только вернувшись домой, я прочувствовал смысл слова, которому раньше не придавал особого внимания: утрата. Я сдержал слезы. Но никто не мог знать, каких усилий мне это стоило.

Мне нужно было оставаться самим собой, иначе эмоции захлестнут меня и я не смогу расследовать это дело.

Я не заметил, как уснул. А проснулся с мыслью, что сегодня – как раз тот день, когда мне было нужно заплатить букмекеру за аренду помещения. Заранее отсчитав деньги, я положил их в наспех сооруженный из листа бумаги конверт. Он в этот раз получился кривым и больше походил на бумажный самолетик. Похоже, это заметил и букмекер – лет пятидесяти пяти верзила с устрашающими складками на затылке. Пересчитав деньги и поместив их в лоток кассы, Страшнов запустил конверт в воздух, и тот, покувыркавшись на одном крыле, приземлился в центре полупустого зала. Сегодня был откровенно «неспортивный» день: то есть мало спортивных состязаний и спортивных событий вообще. И я в этой связи решил попросить у букмекера совета.

– Вот ты, Андрей, встретился с женщиной – ну с такой, о которой поет Брайан Ферри – «Девушка моего лучшего друга». Она хочет сказать тебе что-то конкретное, но в силу объективных причин объясняется с тобой только намеками. Из этого ты делаешь вывод: она делает ставку на тебя. Ты начинаешь понимать, что ты единственный человек, который способен ей помочь. Для нее ты – последняя надежда.

– Что же, – отозвался букмекер, закрывая лоток кассы на ключ, и облокотился на отполированный локтями бесчисленных посетителей барьер конторки. – Ты обратился по адресу, и его легко запомнить: он у нас один. Мы сосуществуем под одной крышей, – Страшнов боднул головой вверх. – Спрашиваешь, что бы сделал я, если бы ставку на меня сделала девушка моего лучшего друга? Я бы заржал. Но к финишу пришел бы первым, опережая остальных на целый корпус.

Букмекер вдохновил меня своими простыми словами и своим бесхитростным чувством юмора. К финишу мне нужно прийти первым. И я спросил этого мудрого человека, произвольно бросив взгляд на его кольцо: не оставил ли гравер на ней какой-нибудь глубокой надписи, не пора ли снизить ставку по аренде. Он ответил, затягиваясь ароматным дымом дорогой сигареты:

– А что поет по этому поводу Брайан Ферри?

Ответ вертелся на моем языке: *Smoke Gets in Your Eyes* («Дым застит твои глаза»). Но мне понравилась точка, которую поставил в нашем разговоре Страшнов. Последнее слово осталось за ним.

Время идти к Михайлову. И этот день, с оперативной точки зрения, пропал даром. Но я, говоря языком мудрого, как удав из «Маугли», букмекера, сделал ставку на завтрашний день. Мне предстояло преодолеть те 170 километров пути и постараться не сойти с ума в Клину... Назавтра была запланирована вылазка в Тверь.

Глава 3

Перекресток Полякова

Старый дебаркадер показался мне плавучим баракком... По обе стороны от него протянулись боны с множеством «пауков» с расчаленными в них катерами. Другие катера, которым не хватило места на воде, были натурально припаркованы на берегу. Одни – безжалостно вытасканы на сушу, другие – с бережливостью, отнявшей, несомненно, время у лодочников. Для этого нужно было прикрепить к бортам катера колеса и вытянуть его на берег при помощи лебедки.

Насколько я сумел выяснить, частная охранная система не проникла на эту лодочную стоянку, именуемую яхт-клубом. Дежурство осуществлялось владельцами катеров и яхт, и график дежурств находился у шкипера и директора клуба. Дирекция также владела служебно-разъездным катером со стационарным двигателем и пассажирским дизельным судном типа «ПС» и «осуществляла прокат немоторных лодок, водяных мотоциклов с ножным приводом». И никаких там надувных лодок. И эта политика безопасности на воде была полностью оправданной.

Я как будто бросал вызов этой системе, подплывая к дебаркадеру с подветренной и наименее освещенной стороны – со стороны фарватера. Два весла, одна банка-скамейка, одна помпа и один швартов – вот и все оснащение этой надувной и на удивление шустрой лодки, которую я взял напрокат на соседней лодочной станции. Я быстро приноровился к ее строптивому характеру (греб я ровно, но ее постоянно уводило влево) и доплыл до дебаркадера в темпе парализованного байдарочника.

Лодка мягко ткнулась в надводную часть допотопного дебаркадера. О времени его постройки говорили дощечки, выложенные на фасадной части в виде цифр 65–66 и выкрашенные в белый цвет. Удивительно, что этот плавучий лепрозорий не сгнил ни изнутри, ни снаружи. «Инфекция инфекцию не берет?» – подумалось мне.

Я отыскал на борту металлическую скобу, воспользовавшись китайским фонариком модели «свободные руки»: посредством резиновой упряжи он удобно и надежно крепился на голове. Прodeв в скобу швартов, я привязал лодку, подтянув ее как можно ближе к осклизлому и ржавому борту. Еще одну скобу я обнаружил чуть выше другой, вбитой уже в деревянную часть плавучей пристани, и они послужили мне ступеньками. Но прежде чем подняться на борт однопалубного дебаркадера, я превратился в акустическое сито, просеивая каждый звук. Плеск волн в массив дебаркадера и берег, тихое радио в одной из кают, приглушенные голоса в другой части, более четкий говор – за пределами плавучей станции. Скорее всего, беседу вели два человека, на манер караульных совершавшие обход охраняемой территории. Кто это мог быть? Разные люди оставляли здесь свои катера: бизнесмены, управленцы, рабочие, пенсионеры. Что искренне удивило меня – я не услышал здесь музыки, этого грохота сабвуферов, как будто «бухалки» были запрещены правилами клуба или же здесь действительно ценили и уважали тишину... Также я различил скрип снастей, которыми были расчалены лодки, скрип мостков, легкий (что также было удивительно) скрежет «сочленений» бонов.

Перемахнув через ограждение и загодя выключив фонарик, но не снимая его с головы, я затаился и снова прислушался, уже с новой позиции, что для меня, бывшего армейского разведчика, было важно. Только потом, удерживая в голове план этого сооружения, я выдвинулся на новую позицию, уже с противоположного борта. Путь мой лежал к шкиперской, вдоль довольно высоко расположенных окон; иллюминаторы я заметил только в трюмном уровне, и выходили они на обе стороны. По пути мне встретилась пара скамеек – точь-в-точь парковые, они придали этому дебаркадеру, дремлющему под яркими звездами, вид старого круизного судна. Отчасти так и было: дети и жены обслуживающего персонала отдыхали здесь и зани-

мали довольно комфортабельные каюты, нимало не беспокоясь о приступах морской болезни и одностороннем пейзаже за окном каюты. На берег можно было сойти в любой момент, сесть на велосипед или дойти пешком до ближайшего поселка. Впрочем, и до города было рукой подать.

Здесь не было каюты капитана. Шкипер и есть главное лицо на несамоходных судах, и его каюта считалась номером один. А шкиперскую, предназначенную для хранения судового инвентаря, спортивный директор лодочной станции сдавал Виталию Аннинскому. В нее было два входа. Первый – с палубы, второй – непосредственно из каюты шкипера. Я живо представил себе коммуналку, комнаты которой сообщались между собой дверями, порой двойными и, как правило, заклеенными обоями. Слышимость на уровне обычных кают на круизном лайнере. Но что еще нужно для отдыха на воде? В таких условиях люди становятся терпимее друг к другу.

Я прижался к брусу, который служил опорой для ограждения, услышав скрип мостков под чьей-то медленной поступью. Караульный? Похоже, да. Этаким гражданский коп (citizen of patrol). Он включил фонарик, и тонкий луч его пробежался по катерам и яхтам, отразился от ветроотбойных стекол. Караульный прошел в нескольких метрах от меня, и я подумал было, что он направит свет на дебаркадер. Но позже сообразил, что яркий луч света в окнах кают радости их обитателям не доставит, а визуально этот барак превратится в концлагерь. Хотя плафоны, забранные решеткой и горевшие вполнакала над каждой дверью, создавали гнетущую атмосферу и еще больше старили этот барак лет этак на тридцать, и я представил другие цифры на его фасаде – 37.

Караульный ушел. Я точно определил его местонахождение, даже не глядя ему вслед: он примкнул к товарищам на конце бона, голоса которых стали заметно громче.

Дверь каюты шкипера. Низко пригнувшись, держась в тени ограждения, я шагнул к следующей двери. Дежурный свет над ней помог мне определиться с замком. Для меня не было ничего проще взломать эту английскую личину. Набор отмычек, сработанный под швейцарский перочинный нож, всегда был со мной. Еще и потому, что в этом универсальном инструменте сохранился клинок – острый, как бритва, который я научился раскрывать одним пальцем, вынимая руку из кармана, а также шильце и отвертка. Прежде чем открыть этот цилиндрический замок, я изучил дверь на предмет «флажков», а это мог быть волос, нитка, спичка. И я действительно нашел спичку на верхнем бруске отвязки двери. Случайно она оказалась в широкой щели, я обязательно верну ее на место. А пока положил в задний карман джинсов. Повернул нужную мне отмычку в месте ее крепления с ручкой и вставил ее в личину замка. Подпружиненная пластинка отмычки надавила на цилиндрики с пружинками в личине, исполняя роль бороздок на ключе, и когда пластина поджала нужные цилиндрики, я смог повернуть ключ и открыть ригель на один оборот, потом еще на один. Готово. Но я не торопился открыть дверь – она могла выдать меня скрипом. Смазка в крохотном аэрозольном баллончике, похожем на пробник в парфюмерном бутике, помогла решить этот вопрос.

Я открывал дверь неторопливо, по сантиметру – любой предмет, приставленный к ней извне, мог упасть и наделать шума. Нет, я не перестраховывался, а автоматически уделял внимание мелочам. По-другому для меня в делах такого рода мелочей не существовало. Я протиснулся внутрь помещения и, плотно закрыв за собой дверь, повернул головку замка. Затаив дыхание, прислушался к этой глуховатой среде, в которой очутился, и знакомые уже звуки извне мне показались помехами – как в телефонной трубке. Затем в работу включилось мое обоняние, я вдруг учуял винный запах – но не резкий или устоявшийся, а невесомый, как будто на столе осталась открытая бутылка вина, а рядом с ней – засохший букетик цветов. Этаким бальзамический запах. И я не удивился бы, обнаружив на кровати труп.

Свет с улицы просачивался только вверху – между дверной коробкой и самой дверью. Нащупав на крючке слева полотенце, я прикрыл им щель. Теперь можно включить фонарик,

иначе можно наткнуться на что-нибудь в темноте и наделать шума. В первую очередь мне требовалось удостовериться, что в каюте шкипера никого нет (я очень, хотя и беспочвенно, на это рассчитывал). Я подошел к двери; узкая, она давно не открывалась. Вплотную к ней примыкал винный столик. На нем-то и стояла бутылка вина и действительно увядшие гортензии. Своему тонкому обонянию я выставил высший балл. Хотя мой сломанный боксерский нос, казалось бы, мог распознать разве что запах крови. Я вынул из кармана кусок резиновой трубки. Один ее конец я вставил в ухо, другой – приложил к двери. Таким образом можно уловить не только храп, но и обычное дыхание спящего в соседней каюте человека... Смежное помещение пустовало, и я мог сказать, что в этом плане мне чертовски повезло: повышенные меры безопасности отнимают много сил и выматывают нервы...

Неделю назад здесь все было по-другому. Цветы только-только срезаны с куста, бутылка только что открыта. В каюте только двое – он и она. Я прервал свои фантазии, подумав о своих друзьях как о клиентах, за которыми установил слежку. Но если бы от моего натренированного воображения зависел исход дела, я бы представил любую интимную сцену в деталях.

Я тронул букет, и засохшие розовые лепестки гортензии упали на столик, прямо к подножию вазы. Взял в руки бутылку. Вино в ней отнюдь не простое, не молдавское каберне, которое мы с Виталиком порой разводили минералкой и пили, чтобы утолить жажду, – *это была дорогая марка токайского венецианского розлива*. И я покачал головой: «Ничего себе!»

Беглый осмотр каюты уже дал пищу для ума, мне же предстоял тщательный обыск. Что я найду здесь? Или – что я должен найти здесь?

Я открыл шкаф. На вешалке висел зачехленный мужской костюм. Расстегнув на прозрачном чехле молнию, я снял с вешалки брюки и приложил к себе, определяя размер: 48, рост – 4. Я обыскал карманы брюк – пусто, ни одного ржаного зернышка. А вот в кармане пиджака я обнаружил чек с автозаправочной станции на сумму четыреста рублей. Также в чеке было указано время того злополучного дня, когда был убит Аннинский: 11.06. Плюс марка бензина, фискальный режим и даже номер «горячей линии». «Заправлялся на солидной АЗС», – рассеянно подумал я. На других плечиках висели рубашки. Внизу стояли туфли, на подошве которых красовались цифры: 43. Какой-то звук заставил меня насторожиться, выключив фонарик, я весь превратился в слух.

Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил: настороживший меня звук был локального происхождения и не выходил за пределы этой каюты; глуховатый и, в общем, лишенный других оттенков. Я снова поднял туфли и опустил их, услышав тот самый глухой звук. Воображение нарисовало передо мной двойное дно, а интуиция подставила под ним резолюцию: «Услышанному верить». На помощь мне пришел мой универсальный нож. Я поддел тонким, но прочным лезвием дно шкафа, ухватил за край и приподнял его. Я был готов к тому, что увижу в тайнике... наполовину. Это был кейс, и принадлежал он Виталию Аннинскому. Трудно было представить себе, что в каюте, некогда принадлежавшей Аннинскому, в тайнике хранится чужой кейс той же модели и расцветки: кожаный, черный, без плечевого ремня, с кодовым замком. Внизу справа я обнаружил приметную особенность: след от сигареты. Помню, Аннинский сетовал: мол, нужно было купить кейс из полиэстера, термопластика по сути. Я не знал кода, но попробовал угадать, набрав цифру 62. Исходя из того, что на крышке бензобака аннинской нивы была установлена именно такая комбинация. Когда мне случалось ездить с ним в качестве пассажира, почти всегда его авто на АЗС заправлял я, зачастую на свои деньги. Я не ошибся, и сначала один, а потом и второй замки дипломата открылись. Я откинул крышку, перебрал в руках пачки банкнот – их было десять, по сто тысячных купюр в каждой. *Миллион рублей*. И много, и мало. Если честно, меня бы *удовлетворил* миллион в долларах или евро. «Во что же ты вляпался, Виталик», – покачал я головой, не зная, что и думать.

Решение пришло неожиданно, я закрыл крышку, щелкнул замками и отставил дипломат в сторону. Поставив на место нижнюю полку и затворив дверцу шкафа, огляделся: все ли я оставил в прежнем виде?.. Вроде бы не упустил ни одной мелочи.

Утлое суденышко, к которому я успел приноровиться, быстро доставило меня на другой берег. Сонный диспетчер пункта проката лодок вернул мне залог в виде ключей от моей машины, припаркованной на стоянке, и хлопнул окошком. Я не собирался снимать номер в гостинице и вернулся в Москву на своей «Ауди». Спустя шесть часов, относительно отдохнувший, я снова сел за руль выдавшей вида немецкой «сотки».

Половина второго. То самое нелюбимое мною время для деловых встреч, оно же – послеобеденное время для испанцев и латиноамериканцев. И неважно, жаркий день или дождливый, как сегодня. Мостки под моими ногами мокрые от моросящего дождя; от него, кажется, нет спасения даже под зонтом: изморось проникает через ткань и, скапливаясь на внутренней стороне зонта, стекает мне на голову и за воротник куртки. Можно сравнить себя с овощем, а атмосферные осадки – с капельным поливом.

Я обернулся и глянул на водное такси. Это была старая «Сарепта» с 50-сильным японским двигателем. Водитель отчалил от берега, надежно укрывшись от дождя под сдвижным тентом. Вернуться обратно на другой берег для меня проблем не составляло. Я знал расписание пээски и до семнадцати тридцати (это последний рейс) рассчитывал уладить все дела на станции. Хотя гораздо проще было возвратиться на обычном такси – по лесной дороге, по улице Пржевальского и Маяковский мост, оставляя справа кладбище Неопалимой Купины. На берегу возле своих лодочных ящиков возились несколько человек. Не больше двадцати я насчитал на бону, у расчаленных в пауках лодок. У них не было своих ящиков, и они свое имущество были вынуждены хранить и возить с собой в лодке. Имея выгоду в водном паркинге, они теряли в другом. Сейчас все они суетились по одной причине: приближался конец навигации...

Бросив взгляд на дверь каюты шкипера (она была чуть приоткрыта), я окликнул человека среднего роста и среднего телосложения, в штормовке и тяжелых, с округлыми мысками ботинках.

– Эй, приятель! Можно тебя на минутку?

Он остановился и откинул капюшон на спину, как успокоившаяся кобра, и как будто дал себя рассмотреть. У него были рыжеватые «моржовые» усы и крутая залысина. Виски ровные, как будто он только что вышел из парикмахерской. На вид ему было не больше сорока. Он молча ждал продолжения.

– Я первый раз здесь, – сказал я, приближаясь к нему. – Не подскажешь, где мне найти шкипера?

– Здесь, – ответил он. – Шкипер – это я.

Он протянул мне руку и назвал свое имя: Клим.

Рукопожатие у мужчины было крепким, но не показным. «Руки у него сильные», – подумал я, отмечая сильные и слабые стороны вероятного противника. Нас так учили. Идешь по улице и оцениваешь каждого встречного: его походку, манеру держаться и так далее. Шкипер пробежался взглядом по моему лицу, считывая с него информацию: сколько носов я своротил, сколько водки выпил и сколько женских зубов покусывали мне губы. Осмотром он остался доволен, и губы его, вытянувшись, выразили удовлетворение.

Я тоже представился и назвал имя Аннинского.

– Мы служили вместе.

– Это было давно, да?

– Не так давно. Но до последнего дня мы поддерживали дружеские отношения.

– Мне жаль вашего друга.

– Не будем о плохом. Где мы можем поговорить о хорошем?

– В моей каюте.

Шкипер провел меня в помещение, которое я вчера, уподобившись врачу, внимательно прослушал и не нашел в нем ни шумов, ни хрипов.

– Аннинский был вашим соседом.

– Вот эта дверь ведет в его каюту, – Клим указал рукой. – Присаживайтесь.

Я принял приглашение и сел на стул с высокой спинкой.

– Вы с ним служили в армии. Работали тоже вместе?

– Нет, у меня свое дело.

Я не знал, насколько далеко зашли отношения Аннинского и шкипера. Возможно, Виталий сказал что-нибудь обо мне невзначай и Клим буквально в курсе моей сыскной деятельности. Чтобы не дать зародиться большому подозрению, я сказал правду:

– Я частный детектив. Не тесно вам тут? – указал я на дверь, возле которой, как и в соседней, стоял винный столик.

– Ваш друг был идеальным соседом: появлялся редко и перед появлением всегда звонил.

– Последний раз он предупредил, что придет не один? – уверенно спросил я.

– Да, он приехал с женой.

– Они ссорились?

– Я не слышал. Когда они приехали, я перебрался на свой баркас.

Я видел эту самоходку, выкрашенную в несуразный, на мой взгляд, синий цвет. Насколько я мог судить, это был баркас для перевозки пассажиров – с мостиком, застекленной каютой и тентованной кормой, в нем могло разместиться до пятидесяти пассажиров. Ночевать там одному, покачиваясь на волнах, как в люльке, было одно удовольствие.

– На баркасе вы перевозите пассажиров с одного берега на другой?

– Когда ПС стоит на ремонте или есть выгодное предложение.

– Например, корпоратив на природе?

– Что-то вроде того.

Я резко сменил тему, чтобы понаблюдать реакцию моего собеседника:

– Кстати, я встречался с ней.

– С кем?

– С Аннинской. Еще до того, как ее поместили под домашний арест.

Шкипер пожал плечами, выражение его лица говорило: мне по барабану. И при этом не пытался продемонстрировать занятость: посмотреть на часы, вынуть мобильник и симитировать звонок.

– Собственно, я здесь по ее просьбе, – продолжил я. – Анна просила забрать вещи, оставленные в каюте.

– Честно говоря, я не заходил в каюту и не знаю, оставили они там что-то или нет. О каких вещах идет речь?

– Синий в полоску костюм в «блистерной упаковке», туфли, пара сорочек.

– Посидите здесь, я схожу за ключами. Они у меня в каюте на баркасе. Чтобы вы не скучали... – Клим одним пультом включил телевизор, другим – спутниковый ресивер. Тактично дождался, когда загрузится приложение и на экране появится картинка. Со словами «все в порядке» он вышел из каюты и прикрыл за собой дверь.

У меня появилась возможность осмотреть его каюту, она была зеркальным отражением другой и могла принадлежать аскету: природа за окном, рыбалка, свежие новости по спутнику – что еще нужно одинокому человеку для счастья?... Две нижние мягкие полки, платяной шкаф, умывальник (он не был огорожен), туалетная кабинка. Я заглянул туда: чисто, но намек на запах общественного туалета пробивался сквозь искусственный аромат жасминового освежителя воздуха. В холодильнике минеральная вода, пиво, копченое свиное сало, распространяющее аппетитный чесночный дух. В шкафу висела только мужская одежда, в том числе и новая

рабочая с логотипом водоканала на спине куртки. Мимо моего внимания не могла пройти нижняя фанерная полка. Когда я поднял и опустил на нее ботинки шкипера, я услышал такой же звук, который в соседней каюте натолкнул меня на мысль о двойном дне. В этом шкафу тоже было двойное дно, но оно не было приспособлено под тайник, об этом я мог судить по шляпкам гвоздей, при помощи которых была прибита полка: их забили еще на мебельной фабрике и с той поры ни разу не вынимали. Я был уверен, что все каюты дебаркадера сохранили дух советской эпохи, и это в равной мере касалось и сделанной на века мебели.

Шкипер застал меня возле шкафа, но дверь его я успел закрыть.

– Сделано на века, – произнес я. – Кажется, дверь сейчас откроется, и из шкафа вылезет Буратино.

– Я принес ключ, – с порога поторопил меня Клим, пультами выключая технику.

«Значит, сюда он вернется нескоро», – подумал я.

Шкипер открывал соседнюю дверь «родным» ключом, а мне представлялось: в руках он держит отмычку – настолько свежи были воспоминания о прошедшей ночи. Он первым вошел внутрь, я шагнул следом. Сразу же обратил внимание Клим на недопитую бутылку вина:

– Что думаешь по этому поводу?

– Ничего. – Он пожал широкими плечами. И продолжил выкатить: – А вы пришли к какому-то определенному выводу?

– У меня только одна версия: по телевизору президент объявил о незамедлительном сухом законе. Столько добра по России пропало...

Шкипер отказался комментировать мою версию и, распахнув дверцу шкафа, спросил:

– Этот костюм?

– Он самый, – ответил я. – Можно забрать?

– Да. – Клим снова пожал плечами.

Я вынул из кармана куртки сложенный в несколько раз черный мешок для мусора, на котором еще сохранился ценник, и развернул его. Шкипер решил мне помочь. Я держал пакет, он же, сложив костюм вчетверо, укладывал его. И даже не высказал недоумения: на кой черт Аннинской понадобился этот костюм? Ее муж убит, сама она в таком положении, что думать о костюме покойного мужа по крайней мере смешно. В этот же пакет уместились рубашки, а ботинки – в другой.

Я был готов попрощаться с Климом, но он вдруг сделал мне предложение, от которого невозможно было отказаться.

– Через полчаса на набережной у меня встреча с клиентом. Так что если вы не против прогулки на баркасе...

– Ни разу не плавал на баркасе, – дал я согласие. – Заодно сэкономлю на такси.

Баркас оказался внушительных размеров, я подумал о рабах на галерах: тут их могло разместиться по двадцать с каждого борта и еще столько же надсмотрщиков с плетями.

Шкипер поторопил матроса, у которого что-то там не заладилось со швартовым. Наконец он смотал веревку с кнехта и спрыгнул на борт, оттуда – на палубу. Рулевой уже стоял на мостике. Дождавшись команды шкипера, он отчалил от бона.

Слева на траверзе высился островок, похожий на утюг. Мне показалось, он идеально подходил для пикника небольшой компанией. Нижняя терраса островка – песок, средняя – живая тальниковая изгородь, верхняя была увенчана десятком осокорей.

– Можно пройти мимо островка, – угадал мои мысли шкипер. И дал команду рулевому. Тот переложил руль влево, направляя судно вдоль острова. Он сбросил скорость до самого малого хода, словно для того, чтобы я смог расслышать каждое слово шкипера, который вот только теперь перешел со мной на «ты»:

– Это мой костюм, – он небрежно пнул в пакет у моих ног. – Я повесил его в шкаф вчера вечером, и об этом, кроме меня, не знала ни одна живая душа. А это значит, что ты проник в каюту в мое отсутствие: между десятью часами вечера и семью часами утра.

Я прикинулся покладистым мужичком:

– Если это твой костюм, ты можешь оставить его себе.

– Слышал историю про Муму?

– Про нее слышали все, кроме самого Герасима, – ответил я и бросил взгляд на воду; и не удивился бы всплывшей вдруг собаке. Потом я перевел взгляд на Утюг. Баркас скрылся за ним, и теперь с противоположного берега судно невозможно было разглядеть даже в телескоп. Ближний берег вообще был пустынным.

– Никого, да? – снова проявил сообразительность шкипер. – Никого, кто дал бы ломаный грош за твою поганую жизнь.

– Поговорим о настоящих деньгах, – предложил я. – Миллион в черном с золочеными замками дипломате тебя устроит? – Я решил приобщить к разговору и матросов тоже. – Никто из вас не терял миллиона, обвязанного резинкой? Дело в том, что я нашел резинку. Шутка.

– Эти деньги нужно вернуть, – безучастным голосом отозвался шкипер, будто речь шла о копеечной сдаче и будто он не понял «бородатой» шутки. Он подал знак матросу, вооружившемуся дробовиком.

– Вернуть кому – тебе или мне?

– Не строй из себя умника! Ты попался на костюме как последний дурак.

– У тебя есть информация, я хочу купить ее. Цена – миллион. От кого и за что Аннинский получил эти деньги?

– Не твоего ума дело. У тебя мозгов – кот наплакал.

– Зато у меня есть деловое предложение: у тебя товар, у меня предложение.

– Товар? – насторожился Клим. – Какой товар?

– Информация.

– А-а, – протянул шкипер. – А я-то думал... Давай я послушаю тебя.

– С кем Аннинский здесь поддерживал отношения?

– С директором яхт-клуба.

– Вот бы встретиться с ним, – делано вздохнул я.

– Не получится.

– Закрытая личность?

Шкипер громко рассмеялся.

– В точку попал. Его закрыли в Бутырке.

– В Твери тоже есть Бутырка?

– В Москве, придурок. Директор – москвич. Выкупил эту станцию три года назад.

– Как фамилия москвича, можно узнать?

– Теперь тебе все можно. Даже послать куда подальше его, – шкипер кивком головы указал на вооруженного матроса у входа в эту натуральную кают-компанию.

Я по ходу решил вывести из равновесия и матроса и назвал его речным монстром. Тот заиграл желваками и уже ни о чем другом, как о моей группе крови, не думал.

– Так как его фамилия?

– Перевозчиков. Вадим Перевозчиков, – представил он его как агента 007. – У него лучший адвокат. И даже прокурор просил судью избрать ему меру пресечения – домашний арест. Но судья решила по-своему.

– Принципиальная баба... – я решил выяснить и фамилию судьи.

– Сошина. Александра Сошина, – все в том же шпионском ключе продолжил Клим. – Перовский районный суд.

Теперь я знал район, в котором директор лодочной станции совершил преступление. Осталось выяснить род преступления.

– За что Перевозчиков угодил за решетку?

– Есть такой цикл передач, «Дорожные войны» называется. «Семерка» подрезала его «Лексус», и он отправил ее водителя прямиков в реанимацию, оттуда – в морг.

– Стрелял из травматикки?

– Нет, он возил с собой саперную лопатку. Теперь ему светит до восьми лет.

– Светит ему больше, – мимоходом заметил я. И призадумался – пока было время и возможность для этого.

В данных, которые я получил от Клима, не было ничего странного илистораживающего, за исключением манеры подачи: почему шкипер о директоре станции, о своем начальнике, отзывается в пренебрежительном тоне? Подобие половинчатого ответа лежало на виду: начальник станции вряд ли избежит приговора и проведет несколько лет в колонии. Так что, по сути, Климу он больше (или пока) не начальник. Второе: из какого источника Клим почерпнул опять же детализированную информацию о судьбе, упрятавшей Вадима Перевозчикова за решетку? И третье: его безразличный отклик о бешеных деньгах в дипломате. Так ответил бы непоколебимый коммунист, и добавил бы: «Деньги – зло».

– Наводишь о судьбе справки?

Клим отказался отвечать и спросил в свою очередь:

– Я ответил на все твои вопросы?

– Остался еще один...

Сам Клим Поляков не спросил про деньги – ему о них сказал я. Можно было предположить, что о тайнике в шкафу он ничего не знает. Если бы я заметил, что в моих вещах кто-то рылся, я бы тотчас кинулся к тайнику, к самому ценному. Тайник этот устроил Аннинский. Не самое надежное место для долговременного хранения, а вот оставить их там на время он мог. Я представил себе хрестоматийную сцену, в которой один человек принимает у другого дипломат с деньгами. Оставалось выяснить, за что – за проделанную работу или молчание? Был третий вариант – доля от общей прибыли. И если бы Клим знал о тайнике, он не сел бы Аннинскому на хвост (на какой хвост – об этом собрался сказать Климу чуть позже). Отсюда я сделал логический вывод: Клим – мелкая сошка в каком-то преступном бизнесе, развернутом на лодочной станции, и человек он недалновидный и завистливый. Не имея конкретного плана, он тем не менее кинулся в авантюру. *Зависть*. Я могу смаковать это слово, глядя на завистника, а Клим – только зеленеть от этого чувства досады, вызванного успехом другого. И та хрестоматийная сценка с передачей денег дополнилась мыслями этого человека. «Легкие деньги», – подумал он, передавая крупную сумму Аннинскому или же находясь в качестве свидетеля, может быть, даже случайного.

– Ты убил Аннинского?

– Нет, – Клим покачал головой. – У меня есть алиби – если ты об этом. В тот час, когда убили Аннинского, я находился здесь, на лодочной станции, в двухстах километрах от Москвы.

– Правда?.. А вот мои агентурные данные говорят совсем другое.

Клим побледнел, как мне показалось.

– Я не был в тот день в Москве. У меня куча свидетелей.

Я отдал ему должное и в свою очередь пнул пакет с одеждой, и если бы в ней находился человек, я бы сломал ему ребра.

– Ты был там в этом костюме. Может, у меня идиотская рожа, но только не мозги. – Я пошел на блеф. – Аннинский тронулся в путь в половине десятого, ты поехал за ним. Он завернул на АЗС в Солнечногорске в 11.05, ты – минутой позже, залил в бак бензина на четыреста рублей. Чек, на котором проставлено время – 11:06 – положил в карман, он до сих пор там. Аннинский тоже сохранил чек, его нашли следователи в кармане пиджака. Аннинский носил

52-й размер, рост 5, а этот, – я снова пнул пакет с одеждой, – на пару размеров меньше. Я знаю вкусы Аннинского: он ни за что на свете не напялил бы на себя синий костюм, и уж тем более в полоску. И я знаю причину, по которой ты следил за ним: деньги. Аннинский вез с собой крупную сумму, а ты по ходу думал, как завладеть ими.

– И ты знаешь, где они?

Я усмехнулся: он ни черта не знает о тайнике в каюте... Я был игроком, имеющим плохие карты, но сделал так, чтобы мой соперник убедился в обратном. Говоря языком криминалистов, я создал преувеличенное представление о своей осведомленности, и у допрашиваемого сложилось впечатление, что следователь в курсе всех событий и даже деталей.

– Если бы я знал, где деньги, я бы сейчас садился на самолет Москва – Адлер, а не трепался с тобой.

– Значит, Аннинский никогда не надел бы синий костюм... А похоронили его в каком костюме?

Я резко поднялся с места, заставляя и своего визави оставить диван. То, что нужно. И я, шагнув ему за спину (насколько позволил диван), ушел с линии огня и прикрылся своим противником. Я рассчитывал на выстрел из дробовика, но матрос медлил или был осторожен. Находясь позади и чуть сбоку противника, я правой рукой приложился к его печени, а левой ударил в шею, прихватывая нижнюю челюсть. И провел еще одну двойку, и оба удара пришлись Климу в голову. Я отшагнул от него, но только затем, чтобы двумя руками толкнуть его в сторону стрелка. Бежать мне было некуда, только плыть. Но я не мог тягаться с матросами, которые плавали как рыбы, и решил дать бой на палубе.

Открытое наружу окно вывело меня на палубу, то есть на ту ее узкую часть, по которой проходил латунный леер. Мне пришлось попробовать себя в роли Тибула, и первый шаг по этому длинному прутку сказал мне о том, что канатоходец из меня никакой.

Все же я добрался до юта, где обрывалась эта застекленная носовая надстройка. И головой вперед прыгнул на стрелка, уже встречавшего меня с дробовиком. Он не рискнул выстрелить еще и потому, что баркас снесло течением и он сейчас был как на ладони у тех, кто разбил на берегу палаточный лагерь. Мой прыжок оказался результативным. Стрелок, падая, ударился головой о стальную кнехт и сполз вдоль фальшборта, оставляя на нем широкую кровавую полосу. Я схватил дробовик и нырнул в каюту. Как раз вовремя: Клим успех очухаться и схватился за нож. Я цокнул языком так выразительно, как будто передернул затвор дробовика, и этот звук отрезвил шкипера.

– Давай договоримся.

– Договаривайся, – тоном гаишника отозвался я.

– Чего ты хочешь?

– Ну, на вопрос, что происходит на лодочной станции, ты не ответишь.

– Ты прав – лучше схлопотать от тебя пулю, чем от своего босса. Мой тебе совет: брось это дело.

– Я подумаю. А теперь скажи рулевому, чтобы он шел к берегу.

– Ты слышал? – повысил голос Клим.

– Да, – отозвался сверху рулевой.

Я выбросил дробовик в воду, когда баркас ткнулся в берег. Спрыгнул на мокрую траву и едва не потерял равновесие. Через несколько секунд я уже был на грунтовке рядом с домом 45. Он был облицован белым сайдингом. За дощатым забором – уютный двор с красивыми клумбами, скамейкой, побеленными стволами яблонь и крашенным в зеленый цвет гаражом. Я припомнил слова Аннинского: «Волга – это не Яуза». И позавидовал обитателям хотя бы этого дома: нет ничего лучше, чем жить на берегу Волги. Но пока что этот берег был для меня безымянным.

– Где это я? – спросил я проходящую мимо девчонку лет десяти.

– В Новой Константиновке, – ответила она.

– Деревня, что ли?

Она рассмеялась и пошла дальше.

Я обернулся. Нельзя было разглядеть выражение лица Клим, но до меня докатилось его желание порвать меня на куски. Впрочем, я показал ему, на что способен в драке даже против трех противников, и оставил ему только один шанс: отпустить меня. В то же время давал ему другой: снова поймать меня. Ну что же – «поймай меня, если сможешь».

Я прошел до конца улицы. Владелец «копейки», мужчина лет семидесяти, согласился отвезти меня в город за пятьсот рублей. Я бы дал ему и миллион – в Москве, если бы от этого зависела моя жизнь и если бы он согласился отвезти меня в столицу.

Я снова в пути. Впереди – те самые 170 километров, к которым я мысленно обращался не раз. Усталый, нервный, я действительно чуть не уснул за рулем, и случилось это за Клином. Мне пришлось остановиться около придорожного кафе, выпить чашку кофе и с полчаса подремать в машине. Еще одна чашка – и я возобновил движение. За время пути я ни разу не пересек сплошную, не превысил скорость. Говорят, излишняя осторожность бросается в глаза. Может, и так. Но только не в моем случае. Я вернулся в Москву без происшествий.

Глава 4

Перекресток Краулера

Если бы у меня спросили – кто такой Проньра и как его охарактеризовать одним словом, меня поставили бы в тупик. Другой вопрос – является ли он моим информатором? Да, но не только моим. Он работал исключительно по заказу и рассылал добытую информацию своим клиентам; как правило, с ним они рассчитывались через интернет-кошелек. Свои источники информации он, как правило, не раскрывал.

Пожалуй, ему подошло бы прозвище Краулер. Я не знал другого такого человека, который знал бы, как и где найти в Сети необходимую информацию. Поиск – это далеко не то, чем занимается подавляющее большинство пользователей, вводя текст в поисковую строку. Чтобы быстро и качественно найти нужную информацию, необходимо знать, как реализован поиск. Поисковик – большая локальная сеть, состоящая из мощных компьютеров с огромным объемом дисковой памяти. Эти машины разделены на кластеры, между которыми распределяется информация, собранная специальными программами – краулерами или спайдерами. Когда поисковая система получает запрос, она ищет ответ в своей таблице, а не в Интернете.

Кроме того, и это очень важно, существуют два Интернета: видимый и невидимый. Невидимый – значит, неиндексированный простыми поисковиками: базы данных, неформаты, страницы глубокой вложенности, просрочка индексирования, соотношения между сайтами и так далее. *Если чего-то нет в Интернете, это не означает, что этого не было.*

Я бы и сам занялся сетевым поиском, однако решил довериться профессионалу в этой области. И подход мой базировался на высказывании шефа израильской разведки «Моссад»: «Сбор информации – не самая сложная задача. Что действительно сложно – так это ее правильная интерпретация. Анализ информации – самая главная часть работы разведки».

Что такое Интернет для разведки? Это ее инструмент. Всемирная сеть позволяет быстро и недорого сориентироваться в ситуации в целом, наметить объекты, располагающие нужной информацией, а также источники, которые позволят эту информацию получить. Но часто бывает и так, что Интернет позволяет получить ответы на все вопросы, которые стоят перед специалистом разведки. А иногда – можно получить информацию от первого источника (например, на интернет-форуме и от человека, личность которого вам достоверна известна).

Я договорился о встрече с Проньрой у него дома, чего раньше никогда не делал. Он жил в доме, зажатом между короткими улицами Крупской и Марии Ульяновой, и от его дома до ближайших станций метро «Проспект Вернадского» и «Университет» было равное расстояние.

Эту «двушку» Проньра делил с подругой – лет двадцати семи. На подруге было столько украшений, что она могла бы стать первой женой вождя какого-нибудь африканского племени. В проколах в ушах, носу, губах, языке было вдето столько металла, что, если бы она попала в магнитное поле, не смогла бы освободиться самостоятельно.

– Сколько времени у тебя уходит на разборку металлолома?

– Я его вообще не снимаю, – ответила она шепелявя. – Пиво будешь?

– Нет. Мне еще работать сегодня. А с пива меня тянет в кровать. Апельсинового сока нет?

– Могу сходить в магазин. – Она выставила ладонь. Но не для того, чтобы я хлопнул по ней своей.

Я дал ей сотню. Девушка сунула ее в карман узких джинсов. Эти «дудочки» подчеркивали ее стройные ноги и делали сексуальной. Ее покладистый характер не вязался с агрессивной, вызывающей внешностью; я не заметил конфликта. Ее облик скорее – это протест. Молодежь любит протестовать, охотно собирается в стайки, а потом сбивается в косяки. Я к этому относился спокойно.

Прежде чем выйти из квартиры, она включила плеер, и довольно-таки плавная музыка полилась из колонок, закрепленных у нее на ремне. Я видел такие на витрине, когда заходил в салон пополнить счет на мобильнике, и каждый раз забывал спросить: «А что, берут?» И вот впервые столкнулся с ходячей магнитолой.

Проныра поторопил меня из глубины комнаты:

– Паша, ты чего там застрял?

– Иду, – отозвался я.

Кресло, на котором сидел поисковик, походило на инвалидное: вместо роликов небольшие колеса на резиновом ходу, и на нем он почти бесшумно передвигался от стола до подоконника в частности. Глянув в окно, он сказал:

– Вон – Светка куда-то пошла.

– За соком в магазин, – пояснил я.

– Она не пьет сок.

– Сок для меня.

Мы как будто обменялись частями пароля и наконец-то поздоровались. Я заметил синяк под глазом у Проныры, но не стал спрашивать, где он его заработал. Он мог запросто свалиться с этого кресла или наткнуться впопыхах на свою «металлистку».

– Выкладывай, – поторопил он меня.

Вначале я огляделся в этой угловой квартирке – с парой окон, между которыми нашел себе место рабочий стол, уставленный оргтехникой, и узкий стеллаж с оптическими дисками. У другой стены стоял диван-кровать и столик со стеклянной крышкой. Я не любил стеклянные столешницы. Принимать пищу или просто пить кофе, глядя на свои ноги, – удовольствие мало-приятное. Никакой романтики – в смысле мечтательной созерцательности и чувствительности.

Плюс в комнате было душно, как в больничной палате. Я рискнул дать Проныре совет:

– Ты хотя бы форточку открыл.

– Боюсь, мухи налетят.

– Мухи налетят, если ты рот откроешь.

– Ну ладно-ладно, это у тебя шутки такие, я знаю, – малость обиделся хозяин квартиры.

Наконец я приступил к делу. Последний раз Проныра принял от меня заказ следующего содержания. Я копал в прошлом и искал убийц «одной проститутки». Парочка подонков хорошо поработала над ней, труп они закопали в лесополосе, район – Восточное Измайлово. Собственно, обращаясь к Проныре, я рассчитывал на его оперативность и оперативное же оповещение, и Проныра, как всегда, не подвел, сбросив мне ссылку на оперативную ленту, в ней, в частности, говорилось: на место захоронения женщины, без вести пропавшей летом 2009 года, выехала оперативно-следственная группа. Так что я, по сути, «ненавязчиво» и вовремя влился в следственный процесс; я достиг цели, которую поставил перед собой.

– Выкладывай, – повторился Проныра. – Ты здесь, а не на линии, значит, дело серьезное.

– Не знаю, с чего начать... Я назову ключевые слова, а там, может, что и всплывет.

Проныра приготовился записывать на листе чистой бумаги.

– Волга. Дебаркадер. Лодочная станция. Баркас, курсирующий между двумя берегами.

Я не мог не обратить внимание Проныры на трюм дебаркадера, мастерскую по сути, оборудованную станками, слесарным верстаком (а сколько я не сумел разглядеть?). Если бы в трюм можно было загнать машину, он бы стал уникальным гаражом. Но трюм – это даже не док, в него и катер-то не спустишь.

Я не стал загружать Проныру дополнениями и личными версиями: все это в конце концов станет помехой в его поисках. Для него важны были ключевые слова. А собственных версий у меня было четыре. Собственно, меня «результативно» устроили бы и *аналоги*. Например, в каком-нибудь городе на Волге оперативники накрыли цех по производству огнестрельного

оружия, под цех был приспособлен трюм дебаркадера; накрыли цех по производству наркотиков, фальшивых денег... Ведь первое, что делает следователь, – это ищет аналоги...

Лично мне приглянулась версия о производстве фальшивок. Их штамповали днем в трюмном помещении, под фон или общий шум подвесных и стационарных моторов, под шум мастерской. Аннинский разоблачил директора, и тот предложил ему взятку, и Аннинский не отказался от денег. Такова жизнь – людей теперь интересуют только деньги. Может быть, ситуация сложилась иначе, и Аннинский услышал: «Ты глубоко копнул, капитан, а я приверженец свежих взглядов: человека проще купить, чем убить». Это политика. Политики затыкают недобрым рот деньгами, привилегиями, высокими постами. Вчера еще чужой, сегодня он свой.

Конечно, я хотел получить ответ на вопрос – купился ли Виталий Аннинский. Он оставил деньги себе, значит, отчасти – да. «Лучше быть правой рукой дьявола, чем стоять у него на пути». Но трудно, невозможно представить в образе дьявола наркомана, пусть даже с маленьким стажем. Нет, не Вадим Перевозчиков, о котором в пренебрежительном тоне отозвался шкипер, стоял во главе преступной группировки. За ней стояла куда более зловещая и влиятельная фигура.

Ко всем прочим «кейвордам» я добавил фамилию столичного предпринимателя.

– Перевозчиков, – повторил Проныра, записывая его имя. И по обыкновению прокомментировал: – Криминал, как обычно. В прошлый раз ты сказал, чтобы я покопал в прошлом. – Он выразительно замолчал.

Прошлое. У каждого дела есть прошлое. И я вдруг подумал о том, что мы, стремясь к будущему, так или иначе отойдем к прошлому.

– Да, – сказал я, – копай в прошлом. Аналоги, на которые рассчитываю, лежат в прошлом. Да, вот еще что: все, что связано с туризмом или отдыхом, отметай. Иначе обростешь информацией.

– Там видно будет.

Я собрался уходить и тут вспомнил:

– Пока не ушел и пока ты не включился в работу... Найди мне рабочий и, если возможно, домашний номер телефона судьи – Сошина Александра Анатольевна.

– Наша судья, московская?

– Да. Перовский районный суд.

– Нет ничего легче.

Через минуту я ушел, записав в блокнот номера телефонов той самой принципиальной судьи, отправившей Вадима Перевозчикова за решетку: 309-03-03 и мобильный, скорее всего, – тоже служебный.

Вчера выдался тяжелый день, и сегодня я еле держался на ногах. Уже не помню, как я добрался до дома и как упал в кровать. Мне показалось, спал я две или три минуты, на самом деле, когда меня разбудил телефонный звонок, на часах было начало второго ночи.

– Дрыхнешь? – спросил голос в трубке.

Я узнал Белоногова не по интонации и по характерной для него хрипотце в голосе, а по номеру его мобильного, высветившегося на экране... Порой я был готов отказаться от предварительной «оцифровки» абонента в пользу того, чтобы узнать, как по стуку сердца, ритм и мелодию его голоса, его тон, действительно смягчить суховатое «да?» обращением, требующим ответа: кто это звонит? Удивиться и вскинуть брови, обрадоваться и улыбнуться, расстроиться и нахмуриться, рассердиться и скрипнуть зубами. Вот этих чувств и эмоций мне постоянно недоставало. Мне, как и большинству, трудно было перешагнуть через натуральную склонность, приобретенную мной за последние годы. Я подумал о том, что этому устоявшемуся образу действий подошло бы короткое определение: *прививка*. Все мы носим на себе

невидимую метку цифровой манту, реакция которой проявляется каждый день, каждый час. А дисковые аналоги, лишенные определителя номера, потихоньку спускаем в мусоропровод...

На грубоватый, как шлепок незнакомца по спине, вопрос Белоногова я ответил *корректно*:

– Уже не сплю. – И назвал его по имени-отчеству: – Что случилось, Валентин Борисович?

– Кое-что случилось, – ушел он от прямого ответа, и я отчетливо расслышал щелчок зажигалки. А дальше – затяжной выдох. – Знаешь Кузьминский пруд?

– Да, – подтвердил я, отчетливо представляя очертания пруда с высоты птичьего полета: он походил на упавшую с неба прямую кишку, и вместе с Шибяевским прудом, разделенным мостом, рождал в моем представлении что-то тошнотворное. Эта связка нашла себе место между двумя кладбищами: Кузьминским и Люблинским, что на юго-востоке столицы.

– Подъезжай со стороны Ставропольской улицы, – продолжал Белоногов. – Не доезжая до кладбища, свернешь налево и – до конца лесопарка. Патрульных в оцеплении я предупредил насчет тебя. До встречи.

Я успел сказать спасибо только коротким гудкам и сложил финскую «раскладушку».

Футболка, джинсы, кожанка, ботинки. Прихватив гоночный шлем, я вышел из дома. Мой «Судзуки» завелся с пол-оборота, и я взял направление на Кузьминский лесопарк.

Мне пришлось оставить байк на попечение патрульных, дежуривших на безлюдной развилке и в нескольких десятках метров от пруда. При свете полицейских машин на месте происшествия работала следственно-оперативная бригада. Белоногов стоял поодаль от основной группы людей, жадно и часто затягиваясь сигаретой. На его крупную фигуру падал свет от фар «скорой помощи», остановившейся в некотором отдалении от оперативных машин и всего следственного перформанса.

– Привет, – поздоровался он, не поворачивая головы, когда моя тень выросла рядом с его. И эта «живая картинка» напомнила мне сцену из «Бриллиантовой руки»: «На его месте должен был быть я».

– Кого грохнули? – спросил я нарочито безучастным голосом. Как будто искусственно созданное равнодушие было наделено способностью отвести беду от Ани Аннинской. Я даже скрестил пальцы и прикусил губу: «Только не ты... Только не это». Ее смерть подчеркнула бы мою нерасторопность. А моя клятва найти убийцу Виталия Аннинского превратилась бы в проклятие.

Я даже не попытался связаться с Аннинской. Согласно условиям содержания под домашним арестом, ее телефоны были отключены; ей запрещалось пользоваться компьютером – как средством связи. У подъезда круглосуточно дежурил наряд полиции. Насколько я знал, на лестничной клетке была установлена камера видеонаблюдения (это в дополнение к камере над подъездом).

Белоногов щелчком отправил окурки в кусты и повернулся ко мне лицом:

– Убит Николай Сергунин по кличке Сергун.

Я покачал головой: имя и кличка этого человека мне ни о чем не говорили. И невольно прислушался к доносившимся с места осмотра голосам. Мужской голос:

– ...принадлежат ли останки человеку или животному...

«Что за чертовщина тут происходит? Снимают ремейк «Убийство на улице Морг»?»

– Слепцова, а ты изыми образцы грунта и составь протокол и схемы. Возьми пробы с обуви, на глазок пока сравни с почвой, на которой лежит труп. Потом назначим криминалистическую экспертизу.

Эти слова мужчина произнес уставшим голосом с интонацией: «А мне это надо?»

Я быстро разобрался что к чему, внимательнее приглядевшись к многочисленной оперативной группе и выделив в ней два совсем юных создания. Это были практикантки, и следователь буквально нагружал их и по-черному юморил про «нечеловеческие останки».

Однако следующие слова дежурного следователя подняли волосы на моей голове. Отвечая на вопрос практикантки, он назвал другую фамилию: Аннинский Виталий Валерьевич.
– Труп наполовину находился в воде...

Как будто подтверждая слова Белоногова, тягучий монотонный голос с эпицентра следственных мероприятий отдал кому-то распоряжение: «Изъять пробы воды в полторашку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.